СОВРЕМЕННИК

Леонид Мартынов

Узел бури

НОВИНКИ «СОВРЕМЕННИКА»

Леонид Мартынов

Узел бурь

Стихи

Москва · 1979

Р2
М29

Мартынов Л. Н.

М29 Узел бурь: Стихи.—М.: Современник, 1979.— 159 с. (Новинки «Современника»).

Книгу составили новые стихи поэта о современности, философские раздумья о жизни человека, о его назначении, стихи о природе в ее космическом обобщении. Все это проникнуто большой верой в человека и бесконечность жизни.

М $\frac{70402 - 107}{М106(03) - 79}$ 138 — 79 4702010200 Р2

Зов звезд

Ночь звездочетства

Как чужды
Мне эти рыданья,
Что нынче уже не вчера
И осень — пора увяданья
И самосгоранья пора.

Нет,
Осень, просторы очистив,
Исчезнет под видом зимы
В день самосожжения листьев
И в ночь звездочетства...

А мы
Не верим беседам в беседках
О том, что деревья мертвы,
Хотя и осталось на ветках
Лишь десять процентов листвы.

*

Холодный ум
Одолевают думы,
Что, от благоразумья далеки,
Не рассуждают леопарды, пумы
И пауки.

Но как к числу бессмысленных причислить
Я не могу тебя, цветок в цвету,
Вот так и Землю неспособной мыслить
Я не сочту.

И неразумными
Считать не будем
Мы тонны книжек, проданных на вес,
И хорошо понятен добрым людям
Зов звезд с небес!

На моей планете

И брожу я меж соленых луж,
И как будто вижу я, блуждая,
Что блуждаю как ученый муж,
Зарожденье жизни наблюдая
На тебе, планета молодая!

О, твоя еще взойдет звезда,
Поостынет дикая вода,
Кровь и мед появятся и млеко!
Но когда еще? Еще когда!
Высшая премудрость иногда
Преждевременна для человека,
Как железная руда для питомца
каменного века!

Но ее,
Чтоб подковать коня,
Цепь сковать и зубья для капкана,
В недрах зарождают для меня
Великаны дыма и огня,
Боги металлургии,
Вулканы!

*

Огромные
Неповоротливые люди,
Вы добродушно вовсе не всегда
Ворочаете сложные орудья
Труда.

Закутанные
В дымы избяные
И копоть фабрик с ног до головы,
В пыли космической шары земные
Упорно перекатываете вы.

И, оставаясь
Бренными из бренных,
Но не покорные своей судьбе,
Ряд Вечностей и множество Вселенных
Вы ясно представляете себе.

Решенные вопросы

Когда в полях тревожно зреет хлеб
И тускло колокольчики трезвонят
Через репей, бурьян и куросдеп,
Как будто бы все сущее хоронят,
Влача в лазурно-васильковый склеп,
И кажется, что в мире ничего нет
Сверх ветра, что беззвучно тучи гонит,—
Ты слышишь, чей там голос вновь окреп?
О, это вечный голос тишины.
Как будто бы покоя лишены,
Жужжат, как осы, и гудят, как тросы,
И, как колеса, немо тарахтят,
И ни за что умолкнуть не хотят
В который раз
Решенные вопросы!

Закат

Когда
В лесу уже темно,
Бывает дерево одно
Зеленопламенным закатом
Оранжево озарено.
Вот так и ты давным-давно,
Когда кругом темным-темно,
В лесу блуждающим закатом
Остался будто бы объят.

Новый храм Луны

В осенний вечер
Сквозь туман густой
К Земле с необычайной быстротой
Плыла Луна, и, на нее любуясь,
Я слышу: — Надоело быть простой
Селеною сиятельно-пустой,
По-вашему оденусь и обуюсь,
И, бросив тучи мучить под пятой,
Я снизойду к вам гостьей долгожданной,
А именно: божественной Дианой
Иль Артемидой, чтоб по вечерам
Сиять в сознанье вашем темноватом
До той поры, пока мой новый храм
Сожжен не будет старым Геростратом.

Белый день

Зима.
Луна
Средь бела дня.

Заря,
Чтоб зря
Не жгли огня,
Еще горит...

Четвертый час.

Сед, еле видимый для глаз,
Снежок сухой.
Его покров
Среди дворов
К камням прирос.

Денек
Лихой,
Суров
Мороз.
Он по поверхности стекла
Свои выводит вензеля,
Но ты-то все-таки тепла,
Моя прекрасная земля.

Так тяжело
Ты дышишь в нос!

В свое тепло
Возьми мороз,
Прижми его к своей груди
И загреми, и загуди.
Своим дыханием согрей,
В свое движение включи,
Ринь на него из всех дверей
Тепла ползучие смерчи,
В его колючий взор впери
Своих подъездов фонари,
Чтоб в электрических лучах
Мороз изрос, затух, зачах,
И побурел, и почернел,
И не звенел, не цепенел,
И в оборот его взяла
Ножищ и ножек толкотня:
— Эй вы, смотрите у меня!
Не лезьте не в свои дела
Под небесами, где, бела,
Горит луна
Средь бела дня.

Две
тучи

Две тучи
Заприметил я. Одну —
Сжирающую солнце на закате,
Другую — хмуро взявшую в объятья
С востока выглянувшую луну.
И я прекрасно понял, отчего
Столь злобны тучи! Темных возмутило,
Что нам сияют сразу два светила...
Довольно! Хватит с вас и одного!

Комета

Она была настолько незаметна
И более чем даже бледновата,
Что даже и за след от самолета
        не приняла ее жена пилота,
На небо глядя тщетно в час заката.

Осталось только лишь пожать плечами.
Вначале много ярче обещали,
        когда вопрос в печати освещали!
И если сам Когоутек ночами
Телескопично-зоркими очами определял,
        сколь не весьма хвостата
Его комета, то почти незримо
        она над миром копоти и дыма,
Играя инфракрасными лучами
        и твердыми частицами богата,
Плыла, как будто глядя вовсе мимо, комета,
        никакая не примета,
Чтоб небесам и мы не отвечали
        за все творимое неутомимо —
За радости свои и за печали,
И за очередную високосность.

Вдохновенный слепец

Возле устья Двины,
Где причалили англичане,—
Монастырь деревянный, и там при дверях
Славной церкви, наполненной иконами и свечами,
Ровно двадцать монахов,
Порядочных неучей, пьяниц, нерях.

А в заливе напротив, о господи, Розовый остров
С изобилием алых и красных прекрасных роз
И отменных фиалок, и славен трав буйный покос там,
Но уже с сентября снегопад,
Чуть не в ярд снежный пласт и мороз,

И мороз, и мороз!..

Вот как отлично начал свое описание Московии
Вдохновенный слепец Мильтон Джон,
И никто не сумел бы точней и толковее
Это сделать, чем он.
Будто сам, самолично он ездил к царю Иоанну,
Но не с Ченслером, Боусом, Флетчером, а в толмачи
Брал сам Демон его, сам его Демон, летавший
по меридиану

От Студеного моря
До самой
Керчи!

Обуздание луны

Иногда
Облака
Все плывут куда надо
Трудолюбиво, планомерно, упорно,
И одна лишь луна —
Единица, монада —
В небе мчится в обратную сторону.

Вот тогда отчего
Лес листву на чело
Нахлобучивает тяжело и сосредоточенно,
Как папаху зеленую дочерна́,
И с размаху

Скачет он на луну,
Чтоб она очутилась в плену,
И верхом на нее он садится искусно,
И, листвой пленена, замирает луна
И тревожно, и грустно...

Дело сделано!
Луна обуздана
И, разумеется, будет стреножена!

Ведьмы

Ведьмы договорились:
— Поедем в гости к соседям ведьмам и колдунам,
Будто они к нам! Вот и поедем, походим,
Будто на них походим мы с наступленьем тьмы.—
Месяц вылез.
Ночь тянется.
А странницы
Мчатся на метлах и кланяются.
Сами с собой прощаются, будто бы
возвращаются из гостей
С коробом новостей, всяких дурных вестей:
— Здравствуйте!
— До свиданьица!

Екатерина

И впрямь
Как будто небывалую
Награду величаво жалуя
Рукою, на которой, тикая,
Не дремлют часики, ты алою
Сама мне кажешься гвоздикою,
О женщина, дитя ты малое,
Екатерина ты
Великая!

Одолженье

Оказывается,
Я существовал напрасно,
Оказывается, ленив был, груб и лжив
В такой огромной степени, что ясно —
Лишь в силу этого я и остался жив!

Оказывается,
Я затерялся между
Твоих премудрых старцев и юнцов,
Которые, презрев меня, невежду,
Забыли погубить в конце концов.

Оказывается,
Не с того я начал,
Да и не тем кончаю, говоришь,
Все перепутал, все переиначил,
И ты негодованием горишь.

Оказывается,
Все мои движенья
Беспомощны... Но с яростью в слезах
Не ты ли сделала мне одолженье
Тебя спасти небрежно приказав!

На зеркальной поверхности

На зеркальной поверхности
Сидит мотылек,
От познания истины
Бесконечно далек
Потому, что, наверное,
И не ведает он,
Что в поверхности зеркала
Он сам отражен.

*

Когда подкрадывался
Ко мне недуг,
Мой недруг радовался,
А ты, мой друг?
Ты раздосадовался,
Понять не мог.
Ты не догадывался:
Я занемог!

Гонец

Вот скачет гонец!
Заныло в груди.
— Так, значит, конец?
— Да нет, погоди...
— А что прискакал?
— Другого ищу! —
Кого б не искал,
А я трепещу,
Кричу ему вслед,
Что их не найдешь,
Что дома их нет...

О мелкая ложь!

*

Я побывал
У смерти в лапах,
Но уцелел наперекор
И чувствую, как острый запах
Из всех моих исходит пор,—
Не запах ли коры ореха,
Что ей разгрызть не удалось,
И запах смеха,—
Вот потеха,—
Похожий и на запах слез!

Дары пустыни

Ниночка
Увидела сон,
Будто среди пустыни
Нашли неистлевшую библиотеку
И доверили ее сторожить одному человеку...
И он, обладая чутьем, через некоторое время
Заговорил по-латыни,
— Но и по-гречески! И по-еврейски!
И по-вавилонски!
— Нет, по-латыни! —
Но я
Стоял на своем, говоря:
— Трудно поверить, что среди пустыни
Были книги, написанные лишь по-латыни! —
Но Ниночка, как всегда, настаивала на своем!

*

А, собственно говоря,
О чем спор?
Мне кажется,
Человек создавался не благодаря
Чему-то, а скорее — наперекор,
А его творенья во всей своей красоте
Становятся явны, пожалуй что, лет через сто,
А самые лучшие стихи — те,
Которые написаны несмотря ни на что.

Волчья полость

В небе
Что-то раскололось,
Треснуло, дохнуло хладом
И рвануло крупным градом
По садам и по оградам...

Серость туч, как волчья полость
На санях, чей гнутый полоз
Подал голос у подъезда:
— Завезем в любую волость
Хоть какого хошь уезда
Незапамятных губерний.

Ах ты, бездна бездорожья,
Ледянистые подножья
Папертей твоих, Россия...

С каждым днем недостоверней
Эти многовековые
Вьюжистые Запорожья,
Тяжкие, как веки Вия!

Узел бурь

Развязываю узел бурь.
„Земная ноша"

Предсказательницы погоды
На волнующемся экране
Что ни вечер, то в новых платьях
Появляются вечерами.
Почему они в новых платьях,
Укротительницы погоды,
Появляются? Чтоб с ветрами
Побороться и обуздать их?

Нет! Наоборот: ветрá завывают
И переодевают согласно сезону
Своих повелительниц то в белоснежное платье,
То в золотое, а то в цвет газона,
То в цвет озона — по времени года,
Отнюдь не казенно, и это резонно!
А старые платья, меняя фасоны,
Срывают рогами, как будто бизоны,
Веселые вихри с хозяек погоды,
Когда развязывается узел бурь.

И, конечно, только в угоду
Непогрешимым и властным,
Невыразимо прекрасным
Управительницам погоды,
Обуздав свои дикие ласки,
Вопреки предсказаньям неверным
Вихри мчатся, как по указке,

По извилистым
Изотермам,
Когда развязывается
Узел бурь!

Не за помыслы меня вини

Допустимо ли
Средь бела дня
Звезд пыланье?

Не за помыслы кори меня
И не за желанья,
Не за бредни ты меня гони
И не за грезы,
И не за поэзию цени,
И не за прозу,
Потому что если б стал смотреть,
Стал бы ждать я,
Только думая тебя согреть,
А в объятья
Не схватил тебя бы, грубоват,
С кровью в теле —

Вот когда бы был я виноват
В самом деле!

Буйные братцы

Солнце
Закатывается за тучу
Или туча накатывается на солнце —
Это смотря по тому, с какого конца
присмотреться.

И от одной только правды не спрятаться:
Буйствуют ветры,
Буйные братцы,
Тучу накатывая на тучу,
Солнце закатывая за солнцем —
Рады стараться!

Мифология

По ночной бреду дороге я,
И навстречу при луне
Выплывают мифорогие, мифоруко-мифоногие
Исполины мифологии — и грядут навстречу мне,
Эти жителй окрестного, от чудес великих тесного
Мира, и вокруг меня все до хорошо известного
мне крылатого коня —
Топчутся они,
А я!
О, как будто снисхождение им оказываю я,
И про их происхождение им рассказываю я.
Но скучна им речь моя:
Больно уж рассказ мой прост,
Всех мудрее их в итоге я!
И, восстав во весь свой рост,
Исполины мифологии
Уплывают в свете звезд
До своих прекрасных гнезд —
Птица Сирин,
Алконост!

Утром

Утром,
Когда цветы
Едва расцветут,
О дневная тревога, ты
Тут как тут.

Ты и в желтом засохшем листке:
— Ах,

Как ты, негодный, высок,
Будто бы уже на губах
Высох вишневый сок.

Ты в едва заметных еще облаках,
Которые еще не висят
Так, как будто под куполом на руках
Кривляющийся акробат.

Ты и в земле, в которую я
Волей неба еще не лег,
А витаю над ней, властелин бытия,
Будто утренний мотылек.

Цепной пес

Собака
Черная, цепная лает,
Как будто все на свете ей враги,
И гнев на всё ей взоры застилает,
А ты ей примириться помоги...
Ты отвяжи... Она не пожелает
Ни рук тебе лизать, ни сапоги,
Но взор ее восторгом воспылает.
— Эй, по деревне делая круги,
Беги! —
А за деревней лес лохматчат,
И в том лесу сосна скрипит
и плачет.
Скрипи, сосна сухая, не скрипи,
А это вовсе ничего не значит:
Собака черная вокруг деревни скачет,
А лает, только сидя на цепи.

Небесные письмена

Ветер — звать его Мефодий —
Мне окно приотворил:
«Я пришел к сухой погоде,
А за мной идет Кирилл!»
Сняли рясы, хохотали,
Ибо выпили вина.
По-славянски начертали
В синем небе письмена.
Письмена на небесах —
Здесь,
Над третьим
Этим
Римом,—
О великих чудесах!
Посмотри
И разбери,
Если ты
Горазд
Читать:
В этом
Мире
Рима
Три,
А четвертому
Не встать!

Сопротивляемость

Бывает,
Сердце так колотится, точь-в-точь
Как будто сам себя и день и ночь
Толчешь в ступе. Но нет, не растолочь,
И как бы ни была крепка,
О ты, ступа, служившая века,
Я не могу столочь себя, силач,—
Сопротивляемость столь велика!

*

Все
Дела
Как будто хороши бы,
Если бы не старые ушибы
Заболели,
Синяки на теле заалели,
Да и пальцы что-то заломило,—
Видно, что-то снова им немило,
И лопатки что-то вдруг заныли,
Где у ангелов белеют крылья
И у черта
Тоже два, но черных, распростерто.
Это значит, вот что это значит,
Что опять какой-то шабаш начат
И опять о чем-то сердце плачет,
Но меня уж не переиначат.
Поздно!

Таится смысл во всем

На наших улицах
Не день ли ото дня
Ужасней и ужасней суетня,
Как будто бы машины без людей
Туда-сюда, как люди без идей,
Лишь тычутся бессмысленно с утра
До ночи нынче, завтра и вчера!
Но это вздор! Таится смысл во всем:
В машинном газе, в девушке со псом
И в мальчике, идущем колесом...

В толченье атомов как будто смысла нет,
Но соразмерен стройный бег планет,
И кто дерзнет, тот станет невесом!

*

Нередко
Бессмертия ищем
Мы только лишь в прошлом своем,
И молимся мы корневищам,
И пнищам осанну поем,
Чтоб после кричать:
— Мы не мы! Я
Не я! Ты не ты! Он не он!

И озаряет немые
И странные сцены
Неон.

*

В тот день
Работал я давно,
С рассвета я трудился, но
Решился в девять без пяти
Внимательней взглянуть в окно.
А там, крылатые почти,
Как лебеди, летели люди
На службу ровно к девяти.
Я крикнул:
                — Добрый люд! Лети!
И я спешу не без пути!
Мое перо — мое орудье!

*

Конечно,
При первом знакомстве
Мы искренней были гораздо
Во время бессвязных признаний,
Но вслед за весенними снами
Не то что становится с нами
Природа все скрытней и скрытней,
Но, видимо, жажда познаний
Становится все ненасытней,
Чтоб истине быть самобытней!

*

Из молодца синеокого,
Ярого шутника,
Он превратился в глубокого,
Старого старика.
Мудро глаза его щурились,
Множились ордена.
И безобразницы хмурились,
И улыбалась
Она!

Второе бытие

Ночные птицы

Клювы острые
И перья пестрые
Есть у них, и крылышки, но все ж
Гамаюнами и Алконостами
Этих птиц никак не назовешь,
А скорее, попугаи мечутся
Либо говорящие грачи —
Сущая бессмыслица лепечется
Птицами, особенно в ночи.

Иногда
Оказываются утками,
Но ведь существует все равно
Перевариваемое их желудками
Истины незримое зерно.
Ведь и шелуха не что-то ложное,
Ибо прячется и в каждой лжи
Что-то ей и противоположное,
Только все как следует свяжи!

И ловлю я
Правду всеми клетками
Мозга, да, пожалуй, и грудной,
Там, где сердце. И сухими ветками
Лес ночной скрежещет надо мной
От чужого гомона тяжелого,

От всего, что кроется в речах...
Разберусь в них!
Для того и голову
Я имею на своих плечах!

В старом отеле

В старом римском отеле
Старый коричневый пол,
Пахнущий воском пчел,
Старенькие постели,
Старенький римский шкап,
И внутри у него, не пустого,
Много старше всех римских пап,
Старый-старый седой римский раб
Все-то ждет
Рождества Христова!

Открытие

Парусная каравелла
В океане целый месяц,
Яростная Изабелла
Думает: «Проклятый генуэзец!»

Будь спокойна, Изабелла!
Точно там, где мы предполагали,
Чтобы ты, смеясь, их разглядела,
Антиподы ходят вверх ногами!

И летит Колумб, как сизый голубь,
Дружелюбней всех посланцев божьих,
А закат алеет, словно желоб,
Полный кровью грустных краснокожих.

Анды еще не Анды,
Кордильеры еще не Кордильеры,
И еще не вышли на веранды
Прохлаждаться кавалеры...

Подснежники

Говорили
Снежной балерине:
— Объясните, что вы сотворили
В Новом Свете, в городе Гаване!
— В Новом Свете, в городе Гаване,
Я сперва вела преподаванье так,
Чтоб там и взрослые и дети
Получили более или менее основательное представление
О классическом балете.

Но смеялись бородатые революционные солдаты:
— Так танцуют разве только статуи!
Извините, это скушновато!..—
И тогда решила я в Гаване,
Если классики очарованье чуждо им,
так пусть им станет зримо,
Как в лучах полярного сиянья
лихо пляшут Северные Зимы,
Где прибои снежные курчавятся
На другом конце Гольфстрима!
— Нравится? —
И смолкли все насмешники, и вскричали старые
мятежники
В бородах порохового дыма:
— Вот как пляшут нежные подснежники
На другом конце Гольфстрима!

Смягченье

Когда блистательный художник Время,
Считая, что рисунок слишком резок,
Смягчает яркость красок свежих фресок,
То на себя он принимает бремя
Нападок на упадок в древнем Риме,
И муть лампадок в песнопевном храме,
И эфемерность карнавальных масок,
И жуть персоны в золоченой раме.
Но если бы оставить яркость красок,
То все пожарники в латунных касках
И голубых огнеупорных робах,
В какой угодно бы набат ударив,
Не подавили бы ужасных зарев
И в южных мглах, и в северных сугробах.

Храм
страха

Страх!
Не столько на тронах, в коронах,
Сколько на трапах над тропами аэродромов.
О этот страх, имеющий главным образом
бензиновый запах!

Целые транспорты страха в небе,
Где замерли Брамс, и Штраус, и Бах.

А на земле встал из праха театр страха,
Ставящий целую пропасть, о, вовсе не старых
драм страха
С афишами на тумбах и на фонарных столбах,
Будто бы занавес писал Ропс...

Ах, и это пустяк, а вот храм страха!
Кто его выстроил? Гропиус?

Нет, не Гропиус!
Не Гропиус еще в 1919 году,
Еще в Европе обосновав Баухауз,
Вовсе не Гропиус выстроил храм страха,
Страшный, как хаос!

*

Где мы находимся?
Астрономически —
Мы, разумеется, в небесах.
А краеведчески и следопытчески
Мы — в городах, и в полях, и в лесах.
Веря с природой в права наши равные,
То, как в зерцало, глядим в водоем,
То в объективах, такие забавные,
Чуть ли не вниз головою встаем.
Всяко бывает!

А самое главное:
Ты в моем сердце,
А я в твоем —
Вечно вдвоем!

На лайнере благоразумия

На лайнере благоразумия
Мы плыли в мире полных лун.
Слегка похож был лик Везувия
В тумане на гору Ахун
За Сочи, у того гигантского
Серпа, где море наяву
Залива Неаполитанского
Напоминает синеву.
И, полная благоразумия,
Шла речь о том, что жить в жилье
Учиться надо у Витрувия,
А не у Райта с Корбюзье,
Но, впрочем, древними преданьями
Мы не насытимся, увы,
И новыми похожи зданьями
Предместья Рима и Москвы,
Хоть вдалеке едва заметная
Еще и видится в бинокль
Сицилия с несытой Этною,
В чей кратер прыгнул Эмпедокл,
И дарит нам расчет утонченный
Проектов всяческих и смет
Бессмертный, будто не приконченный
Над чертежами, Архимед.

Записки гимназиста

Я читал
Записки гимназиста
Дней отмены крепостного права,
Все в них было как-то неказисто,
Хоть и грамотно, и не коряво.

Лермонтов, мол, Пушкина уж слишком
Возвеличил, простота святая,—
Так казалось вдумчивым мальчишкам,
Писарева с Зайцевым читая.

Помните вы, быть может:
Поэзия не конфета,
А стихотворенья Фета
Написать могла бы даже лошадь!

Мало писать стихи, надо делать дело!
...Лет через сто или полтораста, или триста
Хорошо вам, юноша и дева, между делом
Почитать записки гимназиста.

Пушкин с Лермонтовым стоят на месте,
И на месте, с Писаревым вместе,
Зайцев с Фетом и курсистка рядом встали.
Словом, все в порядке, честь по чести,
На своем достойном пьедестале.
Не хватает только гимназиста!

Чернильница Лютера

Вновь
Адский гром
Забормотал о чем-то,
И просятся проклятья на уста.

Чернильница,
Которой Лютер в черта
Швырнул, она прольется неспроста!

Чернильница,
Которой в черта Лютер
Сердито запустил в полубреду,
Чтоб не паскудил бес, не баламутил
Благочестивым людям на беду!

Очнулся Лютер,
И чернила вытер
Он с пола, со стены и со стола.

Изгнал он дьявола,
И гнев он свой насытил,
Чтоб добродетель сладко не спала!

Профили

Почему
На западе Востока
В дни, что безвозвратно миновали,
Человека, зверя, птицу, бога
Только сбоку, в профиль, рисовали?

Потому что
Малы иль велики,
Но двоятся облики и лики,
И обличья! В том-то и морока,
Что одно бывает скорбно око,
А другое будто и смеется!
Но такие вещи удается
Не увидеть разве только сбоку.

Видеть
Разве не было бы дико
Губы справа — громкие от крика,
Слева — молчаливые глубоко!

Правая рука дарами дарит,
Левая — отымет и ударит,
И жестоко,
Ибо если в ней не меч, то — пика!

Вот в чем штука!
Двойственность такую
Надо ли показывать людскую —
Думали художники Востока,
К делу подходя
Не однобоко.

Снег

Снег —
Печенег,
Как в рукописном
Летописном пересказе,

А на Кавказе, в Абхазии,
Снег — громоздящийся, словно Казбек,

А в Средней Азии
Снег, как узбек, хлопчато-белый,
хлопчатобумажный, ватный и влажный.

Это только во сне
Снится снег, как подснежник, либо зверек
Под белоснежною нежною шкурочкой,
В норку залег на лугу и молчок, ни гугу́,
Будто бы сам себе белый двойник.

А на самом деле через тайгу
Снег, как лесник, по колено в снегу,
Шествует вслед
За Снегурочкой-дурочкой.

*

Но если бы вы все-таки спросили,
Как выглядела старая Россия,
Сказал бы я:
— А в чем бы ни ходила,
А все-таки она не походила
На разные свои изображенья
В новейших книгах либо в кинофильмах:
Все эти свечи в дозах изобильных,
Все эти дуги, бубенцы и вожжи,
И все эти подкованные блохи,
И бороды, как при царе Горохе,
На современность
Более похожи!

Он и Елена

Вдруг
Он стал горячиться:
— А какой романист
Мог бы из меня получиться, Елена!
А какой математик! Ведь артиллерист
Есть уж сам по себе математик, Елена!
А теперь я не больше чем тусклый мемуарист
И на страже суждений своих оловянный солдатик,
Елена!

Так Елене, своей собеседнице, мне он
казнился без слов,
Сам глубоко презрев мемуаров своих
недомолвки.

— Ты видишь, Елена,
Как гребни валов,
Набегая на скалы, преображают оскалы
в осколки,
Чтоб не вычислил ветер,
Чему не равняется сумма углов
Пресловутой моей треуголки, Елена!

Бабье лето

Меркнут осеннего солнца бледные вспышки.

Солнце! В нем зноя на донце, выплеснуты излишки на утешенье земное. Листья летят, словно пташки, либо летучие мышки к ночи под красной луною. Не манит под вечер ходить в одной рубашке небо бабьего лета, затянутое белесою пеленою.

Где-то в лесах под дубами, подобно Поддубным, могуче толпятся дубовики, боровики, моховики и обабки, а на поляночках красуются сыроежки, одетые в пестрые шляпки, не продаваемые в магазинах, прежде чем очутиться в корзинах,— поди примерь их...

Но вдруг появляется некто в головном уборе из орлиных перьев и в мокасинах, сухой, поджарый и как будто утаптывающий лесные пожары в березах, осинах и гнездах осиных.

Кто это?

О солнца осеннего чары! Это не только Бабье, но Индейское Лето.

— Здравствуй! Я тоже когда-то из Старого Света...

— Знаю, знаю! Ты через Берингов будущий хладный пролив, дно его оголив, сухопутьем прошел, о сухопарый мой сверстник, Индейское Лето, таящий в себе нечто рыболовное и птицеловское, торговец мехами, бредя очарованно по птичьему следу... Между прочим, под красной луною с тобою в каноэ поеду... Мне о тебе давно уж рассказывала цветными стихами Наталья Петровна Кончаловская, Сурикова по деду.

Страна
Лебедия

Страна Лебедия, о коей сведения почти потеряны...
Прочел недавно я у Дюлы Ийеша,
Что в годы древние, во восьмисотые,— гласит
история,—
Мадьярам, идущим с востока к западу вдоль моря
Черного,
От Дона доброго к Днепру упрямому в их междуречии,
На полстолетия приютом сделалась страна Лебедия.
Страна Лебедия, где в белом трепете — как мне
пригрезилось —
Порхали лебеди над Черноморием, белея крыльями,
Страна Лебедия, наверно, схожая своим обличием
В далеком будущем с мечтою Врубеля —
царевной-Лебедью,
Страна Лебедия, а если правильней, в иной
транскрипции — страна Левадия.
Так на Украине, как и в Болгарии, звались левадами
луга и рощицы,
Луга с левкоями... Страна Леведия, страна Лебедия,
страна Ливадия.
О, что за славное у нас наследие!
Ведь мы соседи — я
И ты, Лебедия!
Сгинь прочь, безлюдная страна неведенья,
Воскресни, чудная страна Лебедия!

Острова

Есть острова
Затерянных миров,
Стадами глобусов, земных шаров,
Играет там прибой среди утесов,
Бросая их, как головы колоссов,
С откосов...
                    Есть и острова острог,
И острова костров среди морозов...

Но также есть и острова отбросов,
Объедков, штопоров с чужих пиров,
Где допоздна и снова спозаранок
Прибой толпу пустых консервных банок
На пляж выкатывает, и мертва
Их суть, и липковата муть изнанок
Всех этих опорожненных жестянок,
Пустейших, как пустая голова.

Маркиз
и матрос

— Ужас
Что за стужа,
Дай бы бог нагнал тепла
Ветер с Маркизовой лужи...

В городе
Пышном, как горб верблюжий,
Где снега копытом рыла, и клубила, и мела
Серая кобыла Тюкала,
Будто тайны степи хоронила
Белая могила Акмола.
— Закрывайте туже ставни! —
                на ночь глядя говорила Бадя.—
Прямо ужас что за стужа. Дай бы бог нагнал тепла
Ветер с Маркизовой лужи...

Дело в том,
Что в Петербурге,
Где Адмиралтейская игла,
В Петербурге, где-то в Гавани,
Эта девочка росла,
И с дождем играла в жмурки
                эта девочка, чтоб вырасти,
Где вздымал дыханьем сырости над Невою вымпела
Ветер с Маркизовой лужи...

Так рассказывала мне —
Чтобы видел я во сне,

Как за брызжущим закатом в белых брыжжах при луне
Он, маркиз какой-то, вброд где-то там по мелководью
Меж столицей и Кронштадтом парусный гоняет флот,
Сам при этом что-то вроде ветра с Маркизовой лужи...

Так рассказывала Бадя.

Много позже,
В Ленинграде,
Я задумал:
Обнаружу, где тут девочка жила...
        Гавань... Линии...
Подлетает кто-то сзади:
— Доброй девушкой была
Ваша бабушка по материнской линии, Бадя!
— Да! Но скажите бога ради,
Кто вы?
        — Я? Что за вопрос!

Не с Маркизовой ли лужи
Этот ветер, ветер дюжий,
Ветер дюжий, как матрос!

Дьяки

Шершень Билибин,
Невежа Копнин, Пух Тетерин —
Это не выдуманные имена,
И вообще так и было, я в этом уверен.

Ночь,
Звезды,
Луна,
Старые времена,
И отбирать невест государю
Мчитесь вы, воздымая снега,
Кличек своих маскарадные хари
Будто личины напялив,
Чтоб стало по прозвищу ясно: слуга!
Скачете в мир душегрей, сарафанов
Вы шутовскою толпою дьяков-великанов,
О Шершень Билибин, Истома Чертовский,
Чудин Митрофанов
И не имеющий даже и имени-отчества Кочерга!

Посох

Карета не карета!
На колесах!
Потрогать — дёготь на осях не высох.
А это? В ней!
И слышу:
— Это — посох!
Везут куда-то посох.
Кипарисов
Он, этот посох, в ризах, в рясах. Высох
Он, этот посох, и седых и лысых
Законодавцев, постаревших в грезах
О древней богоданной благодати
И сладости пасти́ и опека́ти
Смиренных чад нагих и полубосых.

Вот этот самый патриарший посох,
С узорною резьбой на рукояти,
Совсем такой, как в хате на ухвате,
Совсем такой, как у Солохи в хате,
Чтоб не забылось
О матриархате!

Старая Русь

Нет!
Картина для меня ясна:
Даже и в твои еще, допустим,
Лермонтов, былые времена
Русь была отнюдь не захолустьем,
А кипела, чувствами полна,
Жизнь не только лишь над невским устьем,
И когда читал ты наизусть им
Сам себя — внимала вся страна:
Тракты, постоялые дворы
И трактиры, где мигали свечи,
Да и бильярдные шары
Прыгали отчаянной картечью
В дни, когда ты гибели навстречу
Поспешал к подножью
Той горы!

Ночное

Этой ночью
Почему-то кто-то,
Может быть, куда не зная сам,
Гнал грохочущие самолеты
По неосвещенным небесам,
По неозаренному, в пылище
Тонущему Млечному Пути,
Близ которого ни городища
И ни пепелища не найти.

Ведь не всюду же вселенский разум,
Мудрую преследующий цель,
Набивает протоплазмой разом
Все отверстия, любую щель,
Ибо только в нашем запустенье
На земле, куда ты ни взгляни,
Все живет: и свет, и тьма, и тени,
И бенгальские огни!

Каждый раз

Каждый раз,
Тараща глаз свой скошенный
На Публичную библиотеку,
Дарит Солнце наискось взор брошенный
Человеку.

Каждый раз как будто в гости просится
Приближающийся Конец мира,
Но и каждый раз это проносится
Мимо.

И хоть очень жуткие явления
Видит человек и содрогается —
Каждый раз и Светопреставление,
Как и в прошлый раз, отодвигается.

Катаклизм, который был губителен
Для рептилий и гадюк летающих,
Благосклонен был к нам, представителям
Зарождавшихся млекопитающих.

Вот ведь что за птицы перед пламенным
Мы светилом, маленькие ростом.
И косится Солнце, и за Каменным
Беспрепятственно садится мостом.

Второе бытие

Я к жизни возвратил немало мертвецов,
И встретиться помог я им, живые, с вами.
Затем, чтоб наконец и о земле отцов
Хотя бы несколькими перекинуться словами.

Но торопитесь же! Подозреваю я:
О первом бытии своем, негладком часто,
Спешат они забыть, второго бытия
Прекраснодушные энтузиасты!

Халкидский лев

У блаженного Иеронима,
Удалившегося в Халкидскую пустыню,
Был в его рабочем кабинете
Лев, лежащий в глубине пещеры
возле письменного стола.
Это было необходимо.
И когда у блаженного Иеронима
телефон трещал, бренчал и верещал,

Лев рычал,
Чтоб телефон замолчал.

Художник Милашевский

О Милашевском: знайте, это был
Отнюдь не только книжный иллюстратор,
Но и великолепный портретист,
Трудившийся, чтоб мир не позабыл
Ни Бабеля, ни Клюева, ни Грина,
Ни Мандельштама, ни Анри Барбюса,
Ни Гидаша, ни Азии с Европой,
Так чудно сочетавшихся в прекрасном
Лице Сейфуллиной, когда на нас
Она глядит любезно-дерзким взором
Центростремительных своих очей...

...Еще он мне рассказывал о том,
Как в юности с таинственною маской
Он танцевал, допытываясь: — Кто
Вы, маска? — И загадочная маска
С усмешкой полумаску сорвала
И оказалась самой лучшей в мире,
Прекрасной поэтессой Анной А...

Но, впрочем, это только пересказ,
А главы подлинных воспоминаний
Прочтем и жадно перечтем не раз
Мы в книгах, что издательствам должна
Представить для изданья
Жизнь сама!

Оборона

— Я не ласточка,
А я — ворона! —
Закричала девочка Алена —
До того ей надоели
Все ласкательные имена.

— Карр! — воскликнула она, и ввысь
Руки, словно крылья, поднялись.
Это начиналась оборона,
Дни сознательности начались.

Зять
и тесть

О ветер,
Дуя издалека,
Моих видений не развеивай!

Я вижу Александра Блока
С его Любовью Менделеевой.

И слышу голос Менделеева:
— Он бедный, Люба, пожалей его!

— Отец! — я слышу голос дочери. —
Как вы ужасно напророчили!

А может быть, и не последовало
Ответа, и не собеседовала
Так дочь с отцом своим, мыслителем.

Он не был лирики хулителем,
Ученый, взорами пророка
Глядевший в недра недр глубоко,
Идущий с веком рука об руку.

Но все же как-то одиноко
Он видел Александра Блока,
Юнца совсем иного облика,

Творца с иной совсем судьбою,
Чем это видим
Мы с тобою!

Университет

Университет
На закате красив:
В алое платье одет
Университетский массив на закате,
Будто бы в мантию,
Став фиолетовым с головы и до пят,
Ибо когда люди спят,
Даже не только Москва-река, Сетунь и Яуза,
Но точно так же и Сена, и Темза
Даже ночному университетскому его силуэту
Дружно присваивают
Звание доктора
Honoris causa!

Ясность белого дня

Ясность белого дня

Когда мне было восемнадцать, мне
Мерещились, как явь средь бела дня,
Миры, которые создать я лишь во сне
Дерзал, ночных соблазнов не гоня.
И только будничность творилась будто вне
Меня, юнца. Но и ее любя,
Я день и ночь бывал как вне себя!

Если бы
все стихи
удавались

Если бы
Все стихи удавались,
То стихотворцы бы стосковались
По неудачам,
Как математики по задачам,
Головоломностью сходным с пятым
Недоказуемым постулатом
Евклида!
И добивались бы, и добивались...

Если б
Не все стихи удавались,
То стихотворцы бы целовались:
— Значит, мы тоже чего-нибудь значим!

И никого бы не грызла обида!

Мачты

Как сосны,
Превращаясь в мачты,
Ждут парусов сто лет подряд,
Так и стихи, порою на́чаты
Лет пятьдесят тому назад,
Точь-в-точь как выросшие в мачты,
Ждут ветра, и дождя, и туч,
А нынче, хоть сиди всю ночь ты,
А делу этим не помочь!

Астры

В день осеннего ветра
Красивые астры вели себя разно:
Некоторые тянулись ввысь, как астронавтки в
предчувствии старта,
Другие, как астрономки, упорно глядели с земли
в небеса.
Но самая прекрасная астра была как сама Астарта
На клумбе, обрамленной вместо дерна
Упругой покрышкой от шины автомобильного колеса.

*

Ели,
Пили,
Пели,
Танцевали...
Но соседу вдруг сказал сосед:
— А известий-то последних нет!
Да и полночь не передавали!

— Говорите, не передавали?
Это что-то, знаете, не то!
— Может быть, мы просто прозевали?
— Нет, простите, не зевал никто!

—Может быть, перенесли на позже?—
...Кто-то взял и выглянул в окно,
И назад отпрянул, плечи ежа:
— Прозевали! То-то и оно!

Елей

Я шел по аллее,
И воздух был сух,
И вдруг я елея
Почувствовал дух.
Не ветер с полей я
Вдохнул и с болот,
А будто елея
Какой-то налет.
И все тяжелее,
И все тяжелей
Идти по аллее
Мне было. Елей
Подобием клея
Налип на стогах,
И клейкость елея
Лежала в лугах,
И клейкость елея
Хвалили клещи:
— Милее елея
Веществ не ищи! —
И пели во мгле им
Гнилушки из пней:
— Покрыты елеем,
Мы тлеем сильней! —
И, сил не жалея,
Шагнул я смелей
В завесу елея,
И лопнул елей.

*

Давным-давно уж ясных дней нет.
Луна, коль ввысь она всплыла,
И та как будто бы краснеет
За чьи-то грустные дела.

Леса горят. И не с корней ли,
Где не кусает и пила,
Деревья будто почернели
За чьи-то черные дела.

И, видно, потому и к ночи,
Какой бы светлой ни была,
У фонарей тускнеют очи
За чьи-то темные дела.

Ледяной плац

— Есть люди, с которыми я не могу не считаться!
— Ну, что же! Считайся!
— Но слушай. Ночами с тобою должна я скитаться!
— Прекрасно! Скитайся!
— С тобою должна я как будто бы скоро расстаться.
— Я верю. Расстанься!
— Неправда! С тобой суждено мне навеки остаться!
— Я знаю. Останься!

От Каменного моста до Ледяного плаца —
Везде ночами пусто, есть время объясняться.
Сознанье цепенеет от снега и от хруста,
И позабыто спорить горячее искусство.

Ночные странники

«Кто вы, ночные странники, по тротуарам шаталы?
Шапки на лоб надвинуты, руки в карманы спрятаны...»
Сада ограда черная тянется, тянется, тянется.
Вдоль я иду, и следует
Рядом
Ночная странница.

Будут за перекрестками ночи еще морознее.
В инее за киосками стынут трамваи поздние.
Словно перед облавою, в темных кварталах паника:
— Слушай, ночная странница,
Разве ты бросишь странника?

Эхо тревожного оклика
Вторится зданьями старыми.
Два наших сложных облика движутся над тротуарами.
И за решеткой заржавленной, там,
    где далеко пока еще
Высится, не поставленным,
    цоколь какой-то сверкающий,
Близко ли или далеко ли,—
    это когда мы состаримся, —
Там на мерцающем цоколе так мы вдвоем и останемся
Вместе, ночная странница!

*

В старой Вологде,
На пароходике,
Был у капитана я в гостях;
Тикали хронометры, как ходики,
Ветерок посвистывал в снастях,
И читали ночью мы Есенина,
И над самой палубой как раз
Было небо звездами усеяно
Вкруг звезды Полярной в этот час.

Мы тогда еще только стремились
к неразлучию.
Ты сказала:
— Заночуешь там! —
Вот ведь выдуманы по какому случаю
Были пароход и капитан,
Да и машинист, и кочегар его
Были созданы лишь для того,
Чтоб ни молодого и ни старого,
Кроме нас, там не осталось никого!

Свежи преданья

Свежи
Преданья об ужах,
И соколах, и о мужах,
Щетинящихся, как ежи.
Свежа история пажа, чья неразумна госпожа...

А! Все истории свежи,
Но все истории свяжи
В одну историю людскую —
Тогда поймешь, о чем толкую!
Все слышал на своем веку я:
Смех изворотливых во лжи
И воздыхания ханжи,
И все это в людской натуре...

Свежа
История ножа,
Застрявшего в звериной шкуре!

Зоревая пряха

Чего в небесных тесных теремах
Ты все прядешь, неряшливая пряха,
А может быть, дурашливая сваха! .
А кто невеста? В шубе и пимах
Деваха! А жених — как Мономах.
Но не клобук ли иеромонаха,
А может быть, казацкая папаха
На голове? О скорбь! В людских умах
Кровоточащий, как топор и плаха,
Горит закат. Ужели же впотьмах
Рубить безумно со всего размаха
Мы будем все, что ты сумела спрясть,
Имея власть полюбоваться всласть
На прошлое без смеха и без страха.

*

Обманутый,
Не мысля об обмане,
Ни на секунду сам себе врагом
Не кажется. Он бегает бегом,
Не обращая ни на что вниманья.
А не обманутому
Все кругом
Неясно и опасно,
Как в тумане.

Недешево дается пониманье,
Блеск истин в их величии нагом.

Жалость

Я не сентиментален...
Однако
Я сегодня неожиданно почувствовал
Жалость к животным,
Одно из которых сидело
Сиротливо в углу у дверей магазина и тупо глядело
На меня, а другое, подняв свою заднюю лапу, стояло
В осеннем сквере, а третье мне под ноги кинулось,
лая,
Чтоб, очнувшись от жалости, строго я выкрикнул:
— Злая,
Прочь с дороги, собака!

*

Забываются
Не только названья улиц,
Но и старые очертанья самих городов,
И если перед тобой встает какой-нибудь барнаулец
Либо бийчанин былых годов —
Слушай и не перебивай его,
Повествованья не прерывай
Обо всем, о чем помнят лишь А. Караваева,
Или художница Е. Каравай.
И пусть, вековечно белы-чернобровы,
Выходят воспоминанья еще пестрей,
Чем их ощущают Коровины и Серовы
Будущих высокохудожественных галерей,
А что до меня — только Обь мне шептала:
«Желта я только после слияния с Иртышом, а пока
Сохраняю я в отблесках только лишь небо Алтая,
Где его пышнотелые горы летят нагишом в облака!»

Ковровые стены

Было солнечно, но холодно,
И, влекомая в дома,
Ныла жалобно из пчел одна,
Что ужалена сама.

Но нахально, как хозяйчики,
За поверхностью стекла
Мылись мраморные зайчики
На комоде: — О пчела!
От каких тяжелых дум мрачна
В мир квартир стремишься ты?
Здесь внутри тепло, но сумрачно,
И цветы здесь не цветы.
А флаконно пахнет ульями
В клочьях пены пыль и прах,
Со столами, и со стульями,
И со стенками в коврах.

*

Есть книги —
В иные из них загляни
И вздрогнешь:
Не нас ли
Читают
Они!

Сподвижники

Мне явился Хлебников:
— Вникни в суть хвалебников,
Вызнай, кто чем славится!
Нравится не нравится — были у иных отцы,
А вернее, праотцы,— кто откуда выходцы:
Были Гамильтонами, стали Хомутовыми,
Те, кто были склонными быть к тому готовыми,
Пусть и не намеренно.

Но иных не тронула горькая ирония
Прозвищ, вхлест отмеренных,—
Скажем, у Чичериных в новоданном имени
Не было потеряно нечто Цицероново.

И не в третьем Риме ли, где лампада плакала,
Аксакал седой вставал в облике Аксакова
И восточно свойствовал равно одинаково
Кантемирам, Лермонтам, тоже не отвергнутым,
И цвели среди зимы Капнисты, Фонвизины,
Коих не унизили ни описки книжников,
Ни снежки насмешников! —
Так кивнул мне Хлебников
На своих сподвижников, а не на приспешников,
Говорящий голосом, в котором воркованье голубя
И звучанье колокола
Сливалось со звоном снега под санным полозом
И с пшеничным колосом.

Всеволод-камень

Когда я вспоминаю о Всеволоде Иванове, то прежде всего представляется степь с караванами, высохшая трава, а затем Петроград, окутанная туманами Нева, а затем и Москва, и отправляющийся с Курского вокзала поезд «Москва — Феодосия», и вместо книжных страниц слышится мне древнее громоколёсье скифских и всяких других колесниц, и на этом и ныне мирно побрякивающем железнодорожными буферами, но еще озаренном былыми кострами вековечном пути, прото ренном всякими кочевниками и русскими мужиками, далеко за древнею Кафою видится мне гора, потухший вулкан, Карадаг, и к вершине ее, вижу я, что ни день катит камень черт его знает какой-то чудак. О, как же не понял я, рассеянно глянув и хорошенько не сообразив, что это сам Всеволод Иванов вскатывает, точно Сизиф, но не отчаянный камень казни, а, вдохновенно неутомим, он, миролюбия жаждой томим, в творческом вскатывает экстазе камень, с души своей сброшенный. Разве вы не читали об этом в рассказе, славно написанном им самим!

Зазноба

Давным уж давно
Урожай, до зерна убирая, с полей увезли хлеборобы,
И рыжие листья все реже и реже блистают на страже
Осеннего солнца.
Похоже, давным уж давно и на зимнее ложе
Пора бы улечься. И кажется даже, что лунные пляжи
Толпу своих дюн превращают в сугробы...
        Но это — миражи!
А явственно вижу не мерзлые лужи,
Не мертвые тропы и даже
Не лыжами грежу,
А вижу я красные, синие, белые теплые шубы и робы
Твои, о зима, с не бледнеющим ликом
                                вселенской зазнобы!
Твоих рукавиц электронных
                                я чувствую хватку медвежью!

Домик

У Добрыни Никитишны домик
Хорошо пахнет,
Хоть печь в нем не тянет,
И в нем ни пуховых подушек,
Ни шуб, ни папах и ни русских
навыпуск рубах нет,
И конский в конюшне за домом не слышится топот,
И розовый кустик, давно уж отцветший, погасший,
Не чахнет в тени палисадника, рядом с газоном,
А все-таки пахнет озоном
Под крышей
Добрыни Никитишны нашей!

Мгновенье

— О, не зевай! —
Мне Время говорит,
И ночь светла становится как будто.
С натуры я пишу метеорит,
Летящий с неба целую минуту.
Нет, не минуту — что я говорю! —
А будто замирает он на месте
На целый век, и вместе с ним горю
Я в небесах,
И гасну
С ним я вместе!

Все
замерло?

Сам
Бес полуденный
Вот так по временам: — Все замерло! —
нашептывает нам...

Все замерло —
И взлетной полосы
Асфальт полуденный, и даже звон осы,

И в море далеко под парусами
Кораблики наперекор волнам.

Все замерло —
Чтоб листья не плясали
В безветрии от собственной красы.

Но не на башне ли под небесами
Двух черных стрел топорщатся усы
На циферблате, удивляясь сами,
Зачем в угоду всяким сатана́м
Недвижными они казались нам.

Все живо
даже
в мертвые часы!

Серебряный бор

Путь
В Серебряный бор
В дымах мимо Филевского парка,
Там, где мифы и нимфы, и через забор
На Москву-реку в виде подарка
Метеоры бросает неярко
Всемогущая электросварка.

И еще светофор, и еще переезд,
И Товарная Пресня, и дальше в объезд
Разных полуразвалин, причастных к былому,
Через грохот ущелий железного лома,
Мимо бледной колонны ампирного дома,
От которого только одни антресоли,
И затем, вероятно, заводы — какой-то
строительный трест,
и окрест
Блеск и треск, будто всюду сверкают слюда
и асбест,
И не шпат полевой, так калийные соли...

О путь к Леле!
И где-то вдали за туманом Октябрьского Поля,
О, Серебряный бор, над которым
На Лелю, живущую в новом подоблачном доме,
Облеченном в стекло, и эмаль, и глазурь,
После бурь, потрясений
Смотрит месяц осенний
Серебряным взором.

У дверей
вечности

Весной,
Особенно при свете
Могучих солнечных лучей,
От наблюдающих очей
На волю убегают дети.

Но снова
Там, где соловьями
Полночный воздух освежен,
Мужья мерещатся для жен
Их будущими сыновьями.

И знал
Поэта я собрата:
Шептал своей любимой он,
Что дочерью ему когда-то
Она была во мгле времен.

О страсть
Кого ни повстречай,
От ввысь взлетающих до падших,
Рассматривать как будто младших:
Знай — пестуй,
Нянчи,
Поучай!

И я,
В дверь Вечности стучащий,
О жизнь моя, чем я старей,
Тебя отождествляю чаще
И чаще с матерью своей!

Достославль

Я славлю,
Да нет, я не славлю
В дремучих лесах Переславля
Охоту и рыбную ловлю,
На рынках пушную торговлю,
А в городе дверцы и ставни.

И памятника я не ставлю
Ни славному Переяславлю,
Ни старому Ярославлю,
Ни ярому Православлю
Под небом, где царственно чахнет
Луна, как Владимир с мечами,
А просто гуляю ночами
По старому Достославлю,
Который, я кстати добавлю,
Как будто в лучах белой магии,
Лозою, и целлюлозой, и целлулойдом пахнет
Меж фабриками кинопленки,
И славной газетной бумаги,
И конским заводом в сторонке,
Гордясь:
— Ах, какие коняги!

Поздний час

Рабочий день
Уже лежал в постели,
От сдержанной усталости зевая.
Я вышел. Тротуары опустели,
Часы показывали что хотели:
Одни — вперед, другие — отставая.
Прошла старуха, лихо напевая.
Какие-то младенцы пролетели —
Возможно, что Амуры. Надевая
Непроданные всякие вещицы —
Пальто, колготки, кофточки и платья,—
В безлюдных магазинах продавщицы
Плясали. Что еще могло случиться,
Какие провести мероприятья
Задумал кто — не мог предугадать я!

Младшие

Видите вы
Пожилого гражданина,
Яростно преследующего юнца,
А ведь у электрического камина,
Кажется, дремать бы без конца!

Но ведь младшие
Считают, что и ночами
Старшие не спят всего скорей
Потому, что потерянными ключами
Младшие не отомкнут дверей.

Младшие,
Капризами своими
Вековечно не удовлетворены,
Простодушно верят, что за ними
Старшие ухаживать должны.

Младшие
Считают, что, старея,
Старики должны чуть свет вставать
И до ночи бегать все скорее,
Чтоб от молодых не отставать.

Вот
И получается картина —
Даже страшно поглядеть...
А казалось бы, что у электрокамина
Старикам сидеть бы да сидеть!

*

Мне чудилось,
Что все дороги,
Откуда бы не ждать гонца,
Должны сходиться на пороге
Моем, у моего крыльца.

За солнцем и луна садится
В моих лесах, в моих горах,
И только Сатана гнездится
В своем аду, в иных мирах.

Так было все, как на иконах,
На освещенных образах,
Но постоянства нет в законах,
Меняется все на глазах.

И все спокойней год за годом
Внимаю даже и речам,
Что Солнце в гости к антиподам
Гулять уходит по ночам.

Крест

Я на многом ставлю крест,
Но от вычеркнутых мест
Дополняется весьма
Биография моя.
Ибо, как и жизнь сама,
Не таясь, стараюсь я,
Чтоб из умолчаний, из
Недоговоренных фраз,
Как откуда ни возьмись,
Пламенный возник рассказ.

Тьма вопросов

*

Что-то
Крикнули
Вещие птицы,
Но умолкли, слыхать, и они,
Потому что не может продлиться
Их вещание целые дни.

Но поскольку они не вещают,
Не вещают они, не поют,
Видно, пищу они поглощают,
Видно, что-то такое клюют,

Чтобы, как на капустном кочане,
Будто червь для сгрызенья сердец,
Величаво не висло молчанье,
А склевалось оно
Наконец!

Запах краски

Лезет через занавески
В окна и стоит в дверях
Типографской краски запах резкий...

Или только лишь в моих ноздрях,
Точно копоть, точно дым фугаски,
Или только запах, а не дым,
Резкий запах типографской краски
Виснет и холодным и седым.
Этой краски типографской запах,
Тот, в котором тонут целиком
В «Мусагетах», «Перевалах», «Раппах»
Весь Парнас, Олимп и Геликон,
Там, где, точно альпинист заправский,
Топором врубающийся в лед,
Резкий запах краски типографской
Лезет в ноздри мне, в глаза и в рот.

Впрочем, может быть, наоборот:
Сам я выдыхаю этот запах!

*

Чем пахнет?
Знаю этот запах: зной!
Лицом к востоку—ветер жгучий,—
Но не спиной к Европе Западной
Сидишь под ивою плакучей
Ты, кто была сермяжной, лапотной,
А стала сказочно могучей
В блистательных сапожках с музыкой
Над тучной хлопчатобумажностью
И кружевной многоэтажностью
Возвышенности Среднерусской.

*

Когда заря
Алее кровь-руды
Над Кубиноозерьем нависала,
Синицы-хищницы клевали сало,
Но вслед за Нелей около воды
Медведь ходил, лишь нюхая следы,
Которые в песок она бросала,
И то и дело прятался в кусты,
Чтоб настроенье не испортить Неле,
Где ягоды малины пламенели,
Попав в ея прелестные персты.

*

— Грибы мигрируют,— сказал мне жук с рогами,—
Они уходят с троп, где топчут их ногами.
В лес, где деревья, для защиты леса
Касаясь неба лиственными лбами,
Своими шелестящими губами
Сосут космическое звездное железо.

Встряска

Чтоб испуг
Не напал на пугливых,
Далеко мы не сразу учли,
Что недавно от солнечных взрывов
Замедлялось вращенье Земли.

Но не стоит бояться огласки
Этих тайн, ибо с глади земной
Торможеньем, инерцией встряски
Прочь был сброшен удушливый зной,

Зной, который грозил урожаю,
Но космически-мощным толчком
Прочь с полей полетел, угрожая
Солнцу красному
Кулаком!

Ледниковое озеро

Из
Ледникового озера
Речка сочится небыстро.

У ледникового озера
Даже не слышно транзистора,
И ледникового озера ни пейзажист не рисует —
Нет, ледниковое озеро их не интересует.
У ледникового озера
Днем, как и ночью, прохладца,
И ледникового озера люди как будто боятся —
У ледникового озера даже травы не скосили.

О ледниковое озеро, глубже тебя нет в России!

О ледниковое озеро, там, где редеют колосья,
Белоголовое озеро, разве что козье да лосье,
Ты — ледниковое озеро, знаю такие озера,
Бледные, точно молозиво, холодноватые взоры.

Тракторы ходят, бульдозеры
Где-то за горизонтом.
Ты, ледниковое озеро, хочешь остаться нетронутым.

— Брось ты, не жду никакого я
Гостя — ни мотоциклиста,
Ни пастуха! —
Ледниковое
Озеро пусто и мглисто.

Холодно.
Ночь приближается.

Что же!
Единственный вывод
Сделать пора: продолжается
Межледниковый период!

Нет,
Он, конечно, кончается.
Холод, довольно, не властвуй!
Озеро улыбается:
— Все же явился ты! Здравствуй!

Причины запозданья

Коль ночь темна идет по зданьям,
Высотным и обыкновенным,
Луна выходит с запозданьем,
Порою даже не мгновенным.
Мы выясним его причину:
Надела ли она личину,
Чтоб за кого-нибудь другую
Мы приняли ее, нагую!
Иль, может быть, надев овчину,
По небесам бежит с ленцою
Она, прикинувшись овцою,
В то время как очами ярко
Сама блистает, как овчарка,
Ворча между деревьев парка
Культуры, под фиоритуры,
К зиме осенне-мехового,
Во тьме оркестра духового.

Страж

Я,
 когда нахожу
  черепки чаш
   в чистом поле,
Думаю:
 — Кто же им страж?
  Вечность, что ли?

Я не говорю уж о многих еще не взятых под охрану
 государства древних могильных буграх,
То есть о том, что кто-то не занят спасеньем
Тех курганов, где предков своих беспокоим мы прах
По субботам и воскресеньям
Так, что сучья трещат средь дубрав
 и в соседних мирах!

О, довольно пылать браконьерским кострам,
И, конечно, теперь уж никто
Не стремится разрушить старинный храм,
Но на радужном озере
Видится мне
Монастырь,
Превращенный когда-то в маяк,
А теперь и на месте маячных развалин
Остается, печален, лишь черный пустырь
 и пожравший и камень и пламень очаг.

Словом,
Есть у Вечности что-то
Всепожирающее
В ясных ее очах,
Будто Вечность такой преотчаянный весельчак,
Что порой и заплакать от смеха охота.

Брахман и теософы

Я в старых книгах все это нашел
Однажды, оказавшись в Индостане,
Сидели теософы в ожиданье
Чудес. И в этот час брахман пришел
С переплетенной книгою в кармане:
— Прав Дарвин! Человек произошел
От обезьяны! Говорит преданье,
Что демоны и девы обезьяньи,
Брачуясь, породили род людской! —
И, теософам помахав рукой,
По направленью Гималайских гор
Он скрылся, показав свою ученость
И тем предотвратив ожесточенность,
С какою мог бы длиться этот спор.

Но снова
К теософам в Индостане
В шатер все тот же самый гость зашел:
— Прав Дарвин! Человек произошел
От обезьяны! Деву обезьянью
Взял в жены демон! Род людской пошел
От этой пары! Так гласит преданье,
Чтоб мудрости великой ореол
Нас озарил однажды. До свиданья!

И пусть вам не забудутся черты
Людские: за незримые хвосты
Цепляясь, мы над бездною наводим
Между собой висячие мосты.
Но даже и срываясь с высоты,
Мы на крылатых демонов походим!

Млечный Путь

Пусть не обсохло молоко еще,
Я говорю про материнское,
На розовых устах ребяческих,
        а вовсе не про Млечный Путь!
Но так дразняще-беспокояще волнует жажда
        исполинская,
Когда, в своих мечтах захватнических,
        дитя губами ищет грудь.

Все превращения, все стадии ребячье выражает личико,
И, кажется, в зрачках ребяческих все успевает
        промелькнуть:
От грез пастушеской Аркадии
        до хлопотливости добытчика
Пусть далеко еще не радия,
        но медных руд каких-нибудь,
Чтоб все хитрее, бестолковее меж всякими словами
        громкими
Рождались здравые суждения, продуманные глубоко,
Как через мрак средневековья
        с его античными обломками
До мраморного Возрождения добраться было нелегко.

Так чередуются с потемками
Рассветы наши от рождения,
От лет младенческих, студенческих
До старческих.
                Но далеко
Не всем дается это чувствовать,

Не всем дано плечом к плечу вставать
Как с предками, так и с потомками,
Хоть и обсохло молоко!

Голый король

Этот король
Взошел на свой тронный
Электронно-напалмовый холм,
Где подземные взрывы, как эхо
шаманского бубна, звучат
под полым престолом.
И поскольку он был человеком весьма невеселым,
В горностаевой мантии
Из эфемерного меха мышат и зайчат,
То немедленно на землю скинул ее,
и белье, и камзол он:
Пусть хоть дети увидят, что гол он! Они не смолчат!
Но не вышло! Никто уж не верил, что может
король ходить голым.
А его нагота-худоба показалась и детям и
взрослым подобной доспехам тяжелым,
Чью угрюмую сталь покрывают и копоть и чад!

*

Снег
Идет за туманами вслед,
Кроя волчий и кроличий след,
Он идет, будто в воздухе нет
Никаких ни тарелок, ни дисков,
Ни частиц, причиняющих вред,
Ни пришельцев с планет явно близких.
Явно близких...
И, словно гоня
Все видения, тени, миражи,
Никого не дразня, не казня,
Так идет он не мимо меня,
Звездный снег не вчерашнего дня,
А, быть может, грядущего даже!

Вино

Закат
Сквозь ясное окно
Проемы лестниц озаряет,
Как будто красное вино
Ступени лестниц обагряет.
Кто это вылил? А, жильцы!
Как водится, после получки
За праотцами и отцы,
И дети их, а то и внучки.
Так говорит квадратный рот,
Который мусор поглощает,
И, что ни сунь, в себя берет,
И ничего не возвращает.
Ему как будто все равно,
Набрызгал кто и кто накапал —
Все это мутное вино
На потолок, на стенки, на пол.
Да нет же! Попросту закат
Напомнил про былые годы
На лестницах,
Там, где стоят
Немые мусоропроводы.

Боготворчество

Я видел,
Как делают бога,
Бога творят в образе богатыря ли, царя ли,
которого потеряли,
Бога творят и боготворят тысячи лет подряд,
Чтобы его вознести до высот беспредельных,
Где он витает, не видя уже никого и не слыша...
Но делают бога
Не в богадельнях,
А именно там,
Как указано выше!

*

Бывает,
Тянет на банальное,
И так хотелось бы надеть
Прабабушкино платье бальное,
Чтоб лет на сто помолодеть.
И шелестел бы томик Надсона о том,
что на него у нас,
Пожалуй, сотню лет назад цена
Была не ниже, чем сейчас,
И не похож на мертвеца еще,
Но жив от штрипок панталон
До лиры, сладостно бряцающей,
Пиит Коринфский Аполлон!
А кто ж певучей? Не Величко ли? —
На Птичьем рынке, на Трубе
Не канарейка-невеличка ли щебечет ласково тебе,
Любительница старой мебели, о милостивый государь,
О том, как по системе Фребеля
Детей воспитывали встарь.

Живые связи

Что связывает Европу с Азией?
Все! Снежная вершинность вершин
И глинистая клинопись низин,
Глазурная кувшинчатость на вазе
И на березе пляс славянской вязи,
И мерная машинопись машин
От Забайкалья и до Закавказья.
Все это разве
Не живые связи!

Душный вечер

Это
За дорогой
Где-то Окружной,
С круглой и безрогой будто бы луной,
Чем-то почему-то равной колесу,
Виснущему будто где-то на весу,
Будто безвоздушной замкнутой петлей
Ласточка над душной
Мечется землей!

Богоборец

И в гневе
На землю и небо
Я понял, как умер Зевес,
Меча свои молнии гнева
На головы наши с небес.

Те молнии грозно блистали,
Но был им поставлен предел:
Зевесу доспехи из стали
Сковали, достали, надел...

И молниями своими
Он сам был убит наповал,
Чтоб ими не убивал.

Поднебесье

Небо,
Как комната,
Все в ней разбросано, скомкано,
Смято, изогнуто,
Жалюзи свесились.

Грома негромкого
Эхо за окнами катится,
Звезды сквозь шторы таращатся:
О, беспорядочность!
Что за сумятица!

— Встань,— говорят.— Очнись!
Небо, как комната.
Но это не небо, а поднебесье лишь.
Небо
Обрящется!

*

Старость
Восседала молодая,
Гордая за письменным столом,
Будто бы ничуть и не седая,
Потому что вся она
В былом!

*

Люди ревнивы,
Будто они
Либо огниво,
Либо кремни,
Либо, как в засуху
Ветка и прут,
Трутся в пространстве,
Чтоб тлеть, будто трут,
Либо, как листья, иссохшие в зной,
Вспыхнуть готовы от искры одной,
Либо как нива в осенние дни,
Нивы ленивы, но лишь зарони
Пламень в их гривы —
Так вспыхнут огни.
Люди ревнивы.

Великий пост

Ау, ханжа, ты чуешь: куличами
Попахивать с Великого поста
Утрами начинает, а ночами
Молись Творцу, коль совесть не чиста.
Но, выслушав, Господь пожмет плечами:
— Великий пост придуман неспроста,
И ты такими не шути вещами,
Покайся — и все станет на места.
Покайся, да смотри не увлекайся
Раскаяньем, похожим на рассказ
Из жизни ближних, и не отрекайся
От них. И не старайся напоказ
Рыдать до слез. И не пускайся в пляс
От умиленья. Кайся без прикрас!

Образ

Ночами,
Когда ты с истомою в теле
В постели усталая спишь на спине,
Он тоже как будто не спит на стене.

Он прежде
Считался здесь богом-отцом,
А нынче он — образ,
И дело с концом.

Он образ,
Чей божеский образ зарос
Безмолвьем бумажных выцветших роз;
Фамильная вещь он, от предков завещан.

Но все же
Когда на заре, шевелясь, бормочешь
во сне ты:—О господи боже!—
Как будто с небес, со стены наклонясь,
Прижав руку к уху, бормочет он:
— Ась?

Чтоб черти из мрака
Не корчили рожи.

Эпилог

Ищут
Медвежьих берлог,
В каждый глухой уголок
Жадно заглядывая.

Чуешь, отрада моя!
Вот в чем блаженства залог —
Райских птиц радуя,
Свеж ветерок
Рая за адской оградою.

А за райской оградою —
Чуешь, милок! —
Банный полок,
Келья с лампадою.

А у икон —
Присмотрись! —
О, бородища лопатою! —
Ризы богатые,
А из-под риз —
Черти рогатые.

То-то, милок,— вот эпилог:
Черти рогатые!

Яблоко
дьявола

Яблоко
Зрело, алея, отяжелев,
Меж дерев того края,
Где ягненок и лев
Обитали, играя.
                Яблоко
                Неинтересное ни ягненку, ни льву.
Двое подходят. Глядят. В чем дело?
                — Ты сорвешь?
                — Я сорву!
                — Ты съешь?
                — Я съела! —
Съели — и пришлось понутру,
                он что-то постиг, и она постигла.
Но почему-то трепещут и он и она, как листва на ветру.
И ягненок и лев прекратили игру,
Лютость вкралась в душу мирному тигру.

Я давно не видел гроз

Ты взирала благосклонно.
Я давно не видел гроз.

Началось с того, что небо
Оказалось вдруг похожим
На пришедшую в движенье
Фотографию циклона.

Вот с того и началось:
Что-то вспыхнуло, взвилось,
И надменно захотевший
В бурном небе быть как дома,
Я, фотограф, отлетевший
В бездну от удара грома,
Рассмешил себя до слез!

Фараоновы сны

Разумеется,
Я снам не верю,
Но к чему в полночной тишине,
Несмотря на недоверье,
Все яснее снится мне,
Точно фараону, то про тучных,
То про тощих, но коров! Рогат
Этот скот молочный. Счет им точный
Я, сновидец, не веду, богат,
И они в коровниках теснятся,
И коровники для них тесны...

Снятся
И не могут объясниться
По-иному эти сны,
Как когда-то древле фараону,
Или же наоборот,
Будто бы я по всему району
Самый опытный животновод,
Все хлопочущий, чтоб не забыли
Сверх программы сеять, ибо вслед
За годами изобилья
Виден ряд неурожайных лет!

Шалаш

Сквозь шалаш еловый на песке
За гранитной монолитной глыбой
Грезилась плывущая в реке женщина, казавшаяся
рыбой.
А когда всплывала розоветь лиловатая луна над чащей,
В шалаше ворочался медведь,
не по-человечески рычащий!

Я люблю такие шалаши...
Но однажды, по шуршанью судя,
Там расхохотались от души самые обычнейшие люди,
Вообще такие же, как я, только разве что во сне
не бредя,
Будто блещет рыбья чешуя под когтями бурого
медведя.

Но подумать, что за волшебство!
Лунное ли это освещенье
Или солнечное? Отчего сотворились эти превращенья:
Жил медведь медведем, и в своем
Тихом омуте плескалась рыбка,
А глядишь, они уже втроем,
Потому что появилась зыбка!

Лошадиная сила

Сумрак пал на гранит
У Московского моря.
То ли ветер звенит,
То ли что-то в моторе
Где-то там вдалеке
На шальном катерке —
Разобрать я не мог.

Захрустел тепловатый
Розоватый песок
Возле девичьей статуи,
И, как будто одна
Лошадиная сила,
Накатила волна,
Керосином песок оросила.

*

Надобно
Сказать о главном.
Я скажу о самом главном:
Люди в этом мире славном,
Но ужасно своенравном,
Помня о смерче недавнем,
Сеют, жнут и снова пашут,
И ветвями пальмы машут,
Думая о самом главном
Танце.

Танце, что на Солнце пляшут
Сорванцы-протуберанцы.

Богиня Урожая

Точно грушу, сливу или дыню,
Обожали тучную богиню,
Очень смутно, но соображая,
Что она —
Богиня Урожая.

Так ее венчали, обожая,
Улещали, всяко подъезжая,
Чтобы зачала бы, родила бы...

А она
Ревела точно баба,
Многотрудный
Урожай рожая!

Новые времена

Деревья,
Снегом аж по всей Руси
Покрытые так пышно и красиво,
Как на немецких святочных открытках,
Я лишь в Ташкенте видывал, когда
Внезапно там настали холода
Лет пятьдесят назад, а не сегодня,
Когда в Японии бушуют снегопады
В связи с похолоданьем Куро-Сиво.

Так иногда случаются событья,
Напоминающие нам о том,
Что уж давным-давно произошло.
Но никогда, ни прежде, ни потом,
Нам не вернуться к стаявшему снегу,
Вновь не нырнуть в одну и ту же реку,
И пену с волн былых
Попробуй сбить веслом!

И вдруг я слышу голос:
— Я Иртыш
Былых времен, широк и полноводен,
И если я такой тебе угоден,
Меня таким ты снова сотворишь!
— Я — Волга древней древности!
— А я
Былых цветущих лет Амударья!

И все деревья вдруг на всей Руси —
Сосна и ель, береза и осина,
Как в дни былин, прекрасны. И красива
Земля, танцуя на своей оси!

Силы

Если
Силы небесные
Силятся слиться
Во единую цепь, словно в пламенный цеп,—

При таком обмолоте
Не спится
В заботе
За хлеб!

Суть
Не в споре
С незримым всевышним
О верности гирь на небесных весах —
То ли ветер становится лишним
В спирально-крутых небесах,
Либо лишней становится слишком
Пристрастная к вспышкам звезда,—
Суть в ином.
Агроном! Гидротехники! Что там, в колодце?
А в скважинах? Льется вода?
Ведь и капля в болотце бывает нужна иногда!

Вот когда
Человек,
Если он не оглох и не слеп,
Наводя равновесие, взвесив все «против» и «за»,

Успевает в борьбе не за свой саркофаг или склеп,
А за хлеб!
Вот когда человек протирает глаза!

И тогда
Человек,
Неразумен и прост, как дитя,
Вдруг становится мудро-могуч, как природа сама,
И Коперников старых и новых тогда признает он,
кряхтя
От натуги ума!

Мнимая незавершенность

Нет предела
Зависти и козням.
В этом мире порицают чуть не каждого!

Говорилось же о том, что поздним
Старческим твореньям Микеланджело
Свойственна незавершенность,
Что рука слабела постепенно...

Но лениво усмехался Хронос,
И преобразилась вдохновенно
Эта мнимая незавершенность
Поздних озарений Микеланджело
В будущее мастерство Родена.

И лениво усмехался Хронос,
Хронос, усмехающийся хмуро,
Видя, как роденовская юность,
А затем роденовская зрелость —
Эта мнимая незавершенность —
Порождала железобетонность
Генри Мура!

Тьма вопросов

И если
Никому не нужный,
Ни с кем не согласован,
Дождь, кутаясь в свой плащ жемчужный,
В дневной ландшафт врисован,
И осень в облачной одежде в туманах нас купает,
И сумерки приходят прежде, чем вечер наступает,
То несмотря на это все же
К нам ночь прийти мы просим позже
и не спешим ложиться
На предназначенное ложе, а ляжешь — не лежится,
Не спится от висков, стучащих
От грез о песнях, с неба спетых,
О завтрашних, в почтовый ящик опущенных газетах
И о недремлющих комбайнах на нивах предрассветных...

Вопросов тьма!
Больших! Глобальных!
Почти междупланетных!

Содержание

Зов звезд

Второе бытие

Ясность белого дня

Тьма вопросов

Леонид Николаевич Мартынов

УЗЕЛ БУРЬ
Стихи

Редактор В. Андреев
Художник Н. Стасевич
Художественный редактор О. Червецова
Технический редактор Н. Децко
Корректор Н. Николаева

ИБ № 1203
Сдано в набор 29.12.78. Подписано к печати 17.04.79. А10472. Формат 70x90/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,85. Уч.-изд. л. 3,64. Тираж 20000 экз. Заказ № 68. Цена 50 коп.

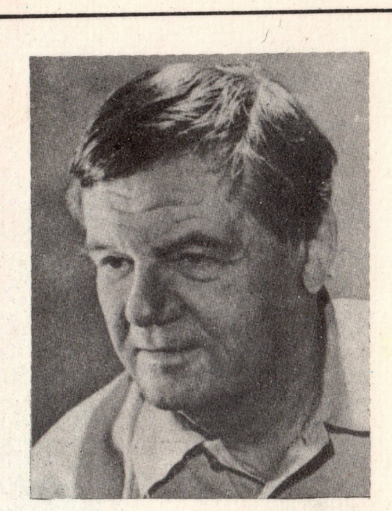
Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

390012, Рязань, Новая, 69/12
Рязанская областная типография

СОВРЕМЕННИК

50 коп.

НОВИНКИ «СОВРЕМЕННИКА»



Тематика новой книги лауреата Государственной премии СССР Леонида Мартынова разнообразна. Характерный мартыновский стих, гиперболизация и своеобразие диалектики поэтического образа.

Стремление к обобщениям, стремление разъять предмет на его составные части, стремление к четкости и строгости — вот характерные черты этого мышления, гнездящиеся в самом названии книги «Узел бурь».